

словно от пения сирен, услышав, что где-то запела чистым и искусным голосом, как у нашего Карино Амфризино, какая-то девушка? Мне же приятнее слушать пение женщин, чем мужчин.

2. А если кому приятнее делать наоборот, значит, он всюду стремится отыскивать неприятные звуки, например стук молотобойцев, шум падающих с гор Рейна и Нила, а если говорить о человеческих голосах, – рыдания и вопли. И раз он им радуется, его надо заставить слушать свой собственный плач. Здравый смысл до такой степени далек от того, чтобы отвергать песню, что, по видимому, с давних пор никакому делу люди не отдавали больше труда, чем музыке. Некоторые авторы даже утверждают, что музыка древнейшее из всех любимых занятий, поэтому так же древне и стремление к наслаждению.

3. Действительно, музыка не доставляет ничего, кроме удовольствия. Множество музыкальных инструментов, известных даже неучам, указывает на широкое распространение этого приятного занятия, каковое, если верить молве, воздействует даже на богов. Вот почему поэты, которые называют себя божественными прорицателями, часто поют, доставляя удовольствие богам или людям, или тем и другим вместе. Кроме того, в древние времена музыканты почитались наравне с прорицателями и мудрецами. В сочинениях «Государство» и «Тимей», так же как и в других работах, Платон считал, что музыка необходима гражданину. Что еще прибавить? Наши уши услаждает не только пение людей, но и пение птиц. Я уже не говорю, насколько приятно каждому собственное пение, о чем хорошо знают испытывавшие это. Ведь я и сам с детства приложил к этой науке много труда, как потому, что она, казалось, помогает поэтическому и ораторскому искусству, так и потому, что она приятнейшее занятие.

XXIII

1. Пойдем далее, чтобы окончить разговор о двух оставшихся чувствах, и прежде всего о вкусе. Не буду перечислять разные виды пищи, о природе и мастерстве приготовления которой создали книги не только повара, но и медики и даже некоторые философы. В пище, приготовленной из мяса животных, птиц, рыб, пресмыкающихся или из смеси их, можно наблюдать такое же разнообразие, как и в женских лицах, поэтому приходится колебаться, что предпочесть (впрочем, и с остальными чувствами может случиться подобное). Теренций потому и говорит:

"Ставят стол сомнительный... ",

чтобы ты колебался в выборе. Если же кто-то осмеливается бранить пищу или уклоняться от нее, то он, видимо, больше хвалит смерть, чем жизнь, так что его следует изморить постом, то есть как раз тем, что одобряется, и я снова и снова молю, чтобы он погиб от голода.

2. Что же касается того, что многих хвалят за бережливость, святость жизни, достойную удивления экономию, то они, по-видимому, едва ли отличаются от древних, грубых и диких людей, почти подобных животным, которые делали так, исходя из возможностей, и еще не знали богатств в то время.

"... когда скромным жилищем

Грот прохладный служил, которого тень заключала

Вместе весь дом – и огонь, и ларов, и скот, и владельца;

В те времена, что супруга в горах устилала лесное

Ложе соломой листвою и шкурами дикого зверя".

Но мало-помалу люди ушли от той дикой жизни и с каждым днем стали все больше наслаждаться изобилием, которое повсюду, придя однажды, словно хозяин, никогда больше не оставляло дома.

3. Однако до сих пор многие никогда и не уходили от той жизни. Но кто они? Те, о которых излишне говорить, например гараманты и некоторые южные народы, питающиеся саранчой, или северные, о которых говорит Вергилий:

"Кислое пьют молоко, смешав его с конскою кровью".

Гимнософисты, хвалимые Ксенофентом, а также египетские жрецы, кичащиеся своей древностью и мудростью, и жрецы критского Юпитера, видимо, побуждены к этому какой-то безумной яростью и похожи на фанатиков, которые, как стоики, делают все из пустого хвастовства.

4. Лакедемоняне же, далекие от этого тщеславия, бережливы не из-за презрения к пище, а из-за чрезмерной любви к войне. Думаю, они поступают вдвойне глупо: как потому, что отравляют себе жизнь, так и потому, что относятся легко к смерти. Но стоит ли удивляться постыдным нравам спартанцев, тех же лакедемонян, которые считают воровство признаком трудолюбия и воруют друг у друга, словно упражняются в добром искусстве. Красноречие же из своего государства из-